

Г. Кертман

Мы разучились нищим подавать?

Мы разучились нищим подавать...

Н. Тихонов

Большинству из нас регулярно доводится сталкиваться с людьми, просящими милостыню: 58% участников недавнего опроса сказали, что в последние два-три года встречали таких людей часто, еще 24% – что редко¹. Лишь 16% опрошенных говорят, что не встречали их вообще. Среди москвичей, жителей других мегаполисов и крупных городов не видели, по их словам, нищенствующих 7–9% респондентов². В малых городах и селах – 15 и 32% соответственно.

Довольно многие – 30% опрошенных – утверждают, что за последние два-три года людей, просящих подаяние, в их городах и селах стало больше, чем раньше. О сокращении числа нищенствующих респонденты заявляют более чем вдвое реже – 13%³. Судить о реальном изменении их числа по этому распределению ответов, наверное, не следует, но оно довольно определенно говорит о том, что данная социальная практика становится в целом более заметной, бросающейся в глаза.

При этом только 12% респондентов заявляют, что никогда не подают милостыню. Отвечая на открытый вопрос о том, почему они не делают этого, лишь немногие ссылались на собственную бедность.

“Сам не больно богат”; “мне нечего подавать”; “кто бы мне подал, нет лишних денег”; “сама такая – хоть выходи и проси” (2%).

Гораздо чаще звучали иные объяснения. Одни заявляли, что нищенствующие не хотят работать, – не сомневаясь, что те, в принципе, могли бы найти иной способ добыть средства на пропитание.

“Можно заработать, если захочешь”; “пусть работают”; “считаю, что каждый должен зарабатывать сам”; “они не хотят работать” (3%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые при этом добавляли, что нищенствующие просят на выпивку.

“Заработать всегда можно, тем более что большинство пропивает милостыню”; “это здоровые мужики клянчат на водку”; “нищие пропивают милостыню” (1%; ответы на открытый вопрос).

¹ Общероссийский опрос населения от 17–18 февраля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Дискуссионные фокус-группы в Москве, Новосибирске и Самаре 6 февраля 2007 года.

² В Москве не заметить просящих подаяние может, пожалуй, только человек, практически не выходящий из дому. Если доля отрицающих подобные встречи в иных крупных российских городах примерно такая же, как в столице, то, по-видимому, и там ситуация со зримым присутствием нищенства в городском ландшафте не слишком отличается от московской.

³ Исключение составляет Москва, где 16% опрошенных говорят, что их стало больше, и 25% – что меньше.

Другие говорили, что сбор милостыни – это организованный и высокодоходный криминальный бизнес, причем иногда ссылались на информацию, почерпнутую из СМИ.

“Нет настоящих нищих – все профессионалы”; “говорят, что все они на хозяина работают”; “за этими людьми стоит мафия”; “это не настоящие нищие”; “очень часто по ТВ идут передачи о том, что это просто бизнес”; “смотрю телевизор” (ответы на открытый вопрос; 3%).

Но телевизор смотрят и те, кто милостыню хотя бы иногда подают. Они тоже знают о существовании бизнеса на милосердии, тоже замечают среди нищенствующих людей по всем признакам трудоспособных, тоже осведомлены о том, что милостыня иногда пропивается, и т. д. Более половины (55%) участников опроса полагают, что “у большинства людей, просящих милостыню, подаяние, есть другие возможности выжить, прокормиться”. Противоположной точки зрения – иных возможностей у большинства этих людей нет – придерживаются только 21% респондентов; многие (24%) ответить на данный вопрос затруднились.

Тем не менее две трети россиян иногда подают милостыню: 28% – часто, 41% – редко (тем, кто в последние годы, по их словам, нищих не встречал, соответствующий вопрос, естественно, не задавался; 12%, как сказано, не подают никогда, еще 3% – затруднились с ответом). Надо сказать, что сколько-нибудь значимых различий между молодыми и пожилыми, малообразованными и имеющими высокий образовательный уровень, бедными и относительно состоятельными в распределении ответов на этот вопрос не обнаруживается. Более или менее ощутимы тут только гендерные различия: часто подают милостыню 34% женщин и лишь 21% мужчин, никогда не подают 10% первых и 14% вторых.

Естественно, те, кто подает милостыню часто, в большей мере, нежели подающие редко либо не делающие этого никогда, склонны верить, что апеллирующие к их милосердию в большинстве случаев действительно находятся

График 1. Представления о наличии или отсутствии у просящих милостыню иных источников дохода (% по группам)

в безвыходной ситуации, но и среди них уверенность в этом выражает лишь каждый третий (см. *график 1*).

Соответственно, тем, кто не готов подать любому (а делиться со всеми просящими, как мы увидим, согласны сравнительно немногие), приходится в каждом конкретном случае так или иначе определять, кто именно обращается к ним за подаванием: человек, действительно оказавшийся в критической ситуации, или же тунеядец, не желающий зарабатывать честным трудом, либо “профессионал”, работающий на криминальный “синдикат”. Причем такой выбор стоит, конечно, не только перед теми, кто убежден, что большинство просящих подавание могут добыть средства к существованию иными способами; даже считающие, что среди них преобладают действительно несчастные люди, у которых нет другой возможности выжить, несомненно, знают и об иной стороне этого явления. Во всяком случае, на фокус-группах, посвященных данной теме, о мнимых нищих говорили абсолютно все и, независимо от степени принципиальной готовности подавать милостыню, обнаруживали немалую осведомленность в этом вопросе. Многие ссылались на СМИ, прежде всего – на телевизионные передачи.

“Была передача по телевидению про них. Так, у них есть костюмерные, где они переодеваются, где им убирают руки, приклеивают болячки. Их развозят по рабочим местам. То есть они работают. Это организованная преступность. А милиционерам они деньги дают, чтобы их они не трогали” (ДФГ, Самара).

“Действительно, когда я посмотрела передачу, как это все делается, и про то, что женщин с детьми называют «мадоннами», и что каждый там второй – погорельцы, я вот в эти истории не поверю. Вот я милостыню подаю, но в историю я не поверю” (ДФГ, Новосибирск).

“1-й участник: После вот этих передач, где рассказывали, что это целый бизнес, то есть там какие-то начальники у них есть – я все, нет, никому <не подаю>.”

2-я участница: Предупреждают.

1-й участник: Если бы я был уверен, что я отдаю деньги вот этому нищему... Так я же деньги отдаю его начальнику, поэтому я...” (ДФГ, Москва).

“А в передачах вообще рассказывали, что они детей своих поют и колют, чтобы они не кричали. Они вообще детей чуть ли не перекупают друг у друга” (ДФГ, Самара).

Не реже респонденты делятся и собственными наблюдениями, описывая отмеченные ими случаи вполне очевидного мошенничества.

“...я вижу, что она притворяется, ковыляет, а между электричками, между вагонами она раз, раз – обычным шагом, чтобы ей успеть в другой вагон перескочить” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: Я вижу перед собой человека в коляске, который по вагону катится, а затем видишь, что только как он выехал из вагона, тут же к нему подходит какая-то личность, и быстро, быстро они там что-то вместе решают. Такие сценки.”

Подают милостыню две трети россиян, не подают – шестая часть наших сограждан. Сколько-нибудь значимых различий между респондентами разных групп нет, за исключением гендерных: женщины подают милостыню чаще мужчин

2-я участница: *Или меняются сопровождающие*” (ДФГ, Москва).

“Я на «Авиамоторной» работаю. Полгода прямо в метро, на платформе, стояла женщина – не могла сына похоронить. Полгода! У нее табличка – не могу похоронить” (ДФГ, Москва).

“А еще в этом году раза четыре ездила на Кировский рынок. Там стоит женщина с девочкой, и они просят этой девочке на операцию. Я их же видела года два назад – а они все на операцию собирают” (ДФГ, Самара).

“В Тюмени пересадка большая, и он садится. На Стрежевой поезда идут, и он ходит и просит: «Вот обокрали, и не могу я уехать до дома». Я постоянно в Тюмень мотался, каждый месяц, и он два года там ходил. Я говорю: «Ты все домой не уедешь?» И он: «Все, я помню, я пошел»” (ДФГ, Новосибирск).

Подобные истории, как правило, воспринимаются однозначно – с негодованием. Однако... Участник фокус-группы в Новосибирске в запале задает вопрос, который, видимо, представляется ему риторическим: *“Вот Вам дать на грудь маленького ребенка и сказать: езжайте, пожалуйста, в город Москву, там перспективы хорошая – Вы поедете?”*

И получает ответ: *“Лет 30 или 20 назад я бы, наверно, поехала – с надеждой, что мне кто-нибудь подаст. Потому что я же вижу фильмы, как люди там богатеют, и так далее. Ну, правда, я не помню, сколько там говорили. Мы в месяц 6 тысяч получаем, а они там за день собирают, на Московском вокзале”.*

Так что представление о высоких доходах “профессиональных нищих”, распространенное, кстати, судя по обсуждению темы на групповых дискуссиях, весьма широко, не только усугубляет естественное нежелание делиться честно

заработанными деньгами с аферистами, но иногда – и желание приобщиться к этим доходам.

Разумеется, вопрос о том, подать или не подать вот этому конкретному человеку, обычно решается на ходу, без долгих размышлений; у людей, которые хотя бы иногда делают это, есть, стало быть, какие-то критерии – пусть не очень четкие, пусть неотрефлексированные, – которыми они в таких ситуациях руководствуются. Чтобы выяснить, каковы эти критерии, всем участникам массового опроса (включая и тех, кто никогда не подает милостыню, и тех, кто в последние годы не сталкивался с просящими подавание) был задан открытый вопрос: *“В каких случаях, кому, каким людям Вы подаете или могли бы подать милостыню?”* Затруднились ответить на него немногие – всего 16%, и еще 3% заявили, что не подадут никому и ни при каких обстоятельствах.

Самым распространенным маркером оказался преклонный возраст – 33% опрошенных заявили о готовности подать старым людям.

“Престарелым”; “пенсионерам, старым людям”; “бабушкам стареньким”; “старому человеку”; “преклонного возраста – всем, по кому видно, что не алкоголики” (ответы на открытый вопрос).

Каждый пятый (21%) сказал, что подал бы инвалиду, больному человеку.

“Слепым, беспомощным”; “только инвалидам”; “явному калеке”; “людям с ограниченными возможностями, на костылях”; “увечным”; “если вижу,

Тем, кто не готов подать любому просящему, приходится каждый раз определять, кто именно обращается к ним за подаванием: человек, действительно оказавшийся в критической ситуации, или же тунеядец, не желающий зарабатывать честным трудом, либо “профессионал”, работающий на криминальный “синдикат”

что человек больной и не может работать” (ответы на открытый вопрос).

Многие (13%) назвали детей, просящих милостыню.

“Детям-сиротам, которые бегают по улице”; “ребятишкам”; “беспризорным детям” (ответы на открытый вопрос).

Иногда респонденты упоминали все три эти группы. Довольно часто участники опроса говорили также, что готовы помочь бедным, нуждающимся – не указывая на принадлежность такого человека к той или иной категории, но нередко подчеркивая, что его потребность в помощи должна быть очевидна дающему.

“Совсем бедным людям”; “нуждающимся”; “голодающим”; “беделажам, с жалким взглядом”; “когда по человеку видно, что он нуждается”; “бедным, плохо одетым”; “если я знаю, что он действительно нуждается”; “когда чувствую, что человеку нужна помощь”; “малоимущим, кто не вызывает подозрений” (11%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые ориентируются иначе – подают исключительно у храмов.

“Возле церкви подаю старушкам”; “возле церкви – всем”; “на паперти”; “около церкви”; “церковным нищим” (5%; ответы на открытый вопрос).

Остальные говорили, что помогают *“мамам с детишками”, “с грудными детьми”* (3%), *“беженцам”, “бездомным”, “погорельцам”* (3%), решают по наитию – *“внутренний голос подсказывает, кому давать”, “интуитивно даю”* (3%), подают непьющим (2%), уличным музыкантам, солдатам (по 1%) и т. д.

Еще 9% опрошенных готовы подать любому – или почти любому.

“Всегда подаю всем”; “когда есть деньги – подаю всем, кто попадается”; “любому, кто обратится”; “всем, кроме пьянчужек”, “тем, кто просит, даже пьяницам”; “кроме цыган, всем подаю”; “всегда и всем” (ответы на открытый вопрос).

Участникам опроса был задан и “симметричный” вопрос – о том, кому, каким людям они **не подали бы милостыню ни при каких обстоятельствах**. Надо сказать, что ответить на него респондентам оказалось несколько сложнее – тут промолчали 28% опрошенных⁴.

Чаще всего респонденты говорили, что ни при каких обстоятельствах не подают *“пьяным”, “алкашам”, “пропойцам”* (34%). Эта категория в данной “номинации” лидирует с огромным отрывом.

Втрое реже (11%) опрошенные упоминали цыган (ясно, что в данном контексте это ни в коей мере не является проявлением национализма – речь идет о неприятии попрошайничества как образа жизни). Еще 3% заявляют, что не подали бы мигрантам из числа “иностранцев” (*“таджикам”, “узбекам”, “азербайджанцам”, “нерусским в халатах”*).

Часто опрошенные говорят также, что не готовы подавать *“людям трудоспособного возраста”, “тунеядцам”, “лодырям”, “тем, кто сам себе может заработать на кусок хлеба”* (9%), молодым (7%), бомжам (6%), любым мужчинам (3%).

⁴ Часть из них – это, конечно, люди, которые, отвечая на предыдущий вопрос, сказали, что подают всем. Еще 2% опрошенных и в ответах на этот вопрос подчеркнули: *“я не отказываю никому”, “всем подаю”*.

Представление о высоких доходах “профессиональных нищих” не только усугубляет естественное нежелание делиться честно заработанными деньгами с аферистами, но иногда – и желание приобщиться к этим доходам

Изредка в этом контексте упоминаются дети, наркоманы (по 1%), а также “слишком назойливые” и просящие милостыню в определенных местах (на вокзалах, в электричках, у магазинов и т. д.) – по 1%.

Особо стоит отметить, что, по уверению 4% опрошенных, они ни при каких обстоятельствах не подали бы тем, для кого нищенство – бизнес.

“Профессиональным попрошайкам”; “аферистам”; “которые прикидываются”; “кто притворяется нищим или больным”; “тем, кто работает на мафию”; “если это профессиональные нищие – паниковские”; “которые играют на человеческих чувствах” (ответы на открытый вопрос).

Казалось бы, 4% – это сравнительно немного. Но учтем, что подобные реплики имеют смысл лишь при полной уверенности в своей способности на ходу распознать “профессиональные” уловки мнимых нищих – в противном случае они фактически не являются ответами на поставленный вопрос и представляют собой всего лишь декларации о нежелании отдавать деньги жуликам и аферистам.

Многие участники фокус-групп, надо сказать, отвечали на вопрос о том, могут ли они отличить мнимого нищего от настоящего, утвердительно. При этом они, как правило, ссылались на интуицию.

“Да, я чисто интуитивно. Вот так вот посмотришь...” (ДФГ, Москва).

“Ну, как-то чувствуешь, что ли, не знаю – внутри там, то есть – что он из себя представляет. Ну так, в голове. А так... не знаю” (ДФГ, Москва).

“А мне кажется, человека такого, его как бы, ну, сразу видно: или он действительно нуждается, или он стоит, зарабатывает. Тут сразу почувствуешь как-то вот таких людей” (ДФГ, Новосибирск).

“По внутренним ощущениям” (ДФГ, Новосибирск).

Однако утверждение, что “мнимого нищего” можно легко идентифицировать, опираясь на интуицию, опровергалось очень быстро – как только разговор хоть чуть-чуть фокусировался на этой теме. Приведем два показательных эпизода.

Модератор: Мне интересно, как вы понимаете, что ему надо как раз, что он настоящий?

1-й участник: Ну, как-то чутьем определяется.

Модератор: Только так? Каких-то признаков нет таких?

1-й участник: Какие-то глазки – бегают, не бегают. То есть это все можно определить на самом деле. По манере, по всему...

Модератор: По глазам. А еще по чему?

1-й участник: Но это очень трудно, конечно.

2-я участница: По увечью больше. Смотришь, если человек увечен...

3-й участник: Инвалид, допустим, в коляске какой-то – “почему не дать?”

4-й участник: Их как раз эксплуатируют больше других.

5-я участница: Их больше все эксплуатируют, я тоже так считаю” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: По поведению, по интонации, с которой он обращается.

2-й участник: Была же передача про них. У них целая театральная студия, их готовят. У них и психологи, и гримеры есть, и костюмеры есть.

В повседневной жизни при встрече с просящими подаяние мы в большинстве своем реагируем по наитию, не размышляя: возникает соответствующий импульс (сочувствие, потребность помочь) – достаем кошелек, не возникает – проходим мимо

Их готовят, как перед выходом на сцену. Он выходит уже подготовленный. Он знает, как себя в какой ситуации вести. Поэтому трудно определить.

3-й участник: *Да, трудно увидеть.*

4-я участница: *Мы-то без подготовки ему подаем.*

2-й участник: *Это настоящие актеры.*

5-й участник: *Мы думаем, что они на самом деле нуждаются*” (ДФГ, Самара).

Очевидно, что участники групповых дискуссий в действительности отнюдь не убеждены в безошибочности своей интуиции – даже если и говорят поначалу, что им ее вполне хватает, чтобы понять, кому следует, а кому не следует подавать. По-видимому, дело тут в том, что в повседневной жизни при встрече с просящими подаяние мы в большинстве своем реагируем по наитию, не размышляя: возникает соответствующий импульс (сочувствие, потребность помочь) – достаем кошелек, не возникает – проходим мимо. И не так уж нам важно при этом, насколько верно мы “оцениваем” объективное положение просящего и насколько “правильно” распоряжаемся горстью мелочи. Важнее, что мы поступаем сообразно собственным спонтанным эмоциональным импульсам, доверяем себе – и испытываем ощущение, что помогли кому-то, сотворили добро.

“1-й участник: *Ну все-таки, действительно, такое чувство исполненного долга... Кажется, что сделал человеку чего-то доброе.*

2-я участница: *И он оценил его тут же.*

3-й участник: *Не знаю, оценил он его, не оценил, а просто лично мне, если я подал, мне кажется, что я сделал хорошее*” (ДФГ, Москва).

Вот в этом смысле наша интуиция оказывается “инструментом” вполне достаточным – и, видимо, именно поэтому респонденты так часто ссылаются на нее⁵. Но в том-то и состоит проблема, что актуализированное знание о мнимых нищих, о криминальном бизнесе на милосердии, получаемое россиянами как из СМИ, так и из собственных наблюдений, качественно меняет ситуацию. Едва ли не каждая встреча с “сомнительным” нищим – с точки зрения эмоционального “послевкусья” – превращается в “безвыигрышную лотерею”: подавая милостыню, не можешь исключить, что твоим доверием злоупотребили, подавая – что из-за излишней подозрительности отказал тому, кому помощь необходима.

Вероятно, именно поэтому особое раздражение у участников дискуссий вызывают такие ситуации, когда нищенствующий не просто стоит с протянутой рукой, ожидая помощи от кого-либо из проходящих мимо, а активно “давит на жалость”, адресуясь – не всегда вербально – к конкретным людям. Различие тут принципиальное: в первом случае можно либо по наитию подать милостыню, либо просто

Каждая встреча с “сомнительным” нищим превращается в “безвыигрышную лотерею”: подавая милостыню, не можешь исключить, что твоим доверием злоупотребили, не подавая – что из-за излишней подозрительности отказал тому, кому помощь необходима

⁵ При этом ясно, что “внутренний голос” чаще советует нам помочь немощному старику или инвалиду, чем молодому крепкому парню, хотя нельзя исключить – и участники фокус-групп об этом тоже говорят, – что первый “работает” на криминальную структуру (или, по крайней мере, вынужден отдавать часть дохода тем, кто его “крышит”), а у второго действительно стряслась беда, и он остро нуждается в помощи.

проигнорировать просящего, “не заметить” его – если такого желания не возникло. Во втором же случае инициатива принадлежит просящему подаяние, и проигнорировать его уже нельзя – приходится принимать решение: подать или отказать. Причем, как уже сказано, при наличии сомнений в том, настоящий или мнимый нищий к тебе обращается (а они, как правило, возникают), избежать психологического дискомфорта, хотя бы минутного недовольства собой не удастся при любом решении. Похоже, именно этим объясняются такие, например, реплики участников групповых дискуссий.

“1-й участник: *Самый мерзкий вариант – это идет девица какая-нибудь и держит ребенка. И давит на жалость. Это совершенно...*

2-й участник: *Да, да. И вот не знаешь: дать или не дать. Смотрю по телевизору, они вот играют этим ребенком, как бы пользуются этим ребенком, работают им.*

3-й участник: *И еще и краденым.*

2-й участник: *И вот думаешь: дать или не дать?”* (ДФГ, Москва).

“1-я участница: *Ну вот нормально, когда они просто просят. А вот те случаи, когда они обращаются со словами или за рукав дергают, так конечно, ужасно.*

2-я участница: *За рукав хватают.*

1-я участница: *Да, это уже... А когда стоит – ну, бабушка вынуждена просить. Кто захотел, тот дал. Кто не захотел, прошел мимо”* (ДФГ, Новосибирск).

Не желая потакать тунеядству и криминальному бизнесу, многие, судя по ходу групповых дискуссий, сдерживают спонтанно возникающее желание поделиться с тем, кто просит о помощи.

“Хочется подать, конечно. Подать хочется. Но, с другой стороны, останавливает, что деньги эти могут пойти куда-то не туда. Я бы подал бы. Если бы действительно человеку плохо – я бы дал” (ДФГ, Москва).

“Вроде бы сочувствие, но ведь заведомо знаешь, что он стоит на работе” (ДФГ, Самара).

Одних – судя по данным массового опроса, немногих – подобные сомнения приводят к решению категорически не подавать никому. Молодой москвич, специально побеседовавший, по его словам, с несколькими нищенствующими, чтобы решить для себя этот вопрос, заявляет:

“То есть получается, что я дурак, что я работаю, – а он умный. Получается вот такая ситуация... Ищи других дураков, я не дурак, чтобы тебе помогать. Такой принцип!” (ДФГ, Москва).

Другие такой принцип отвергают.

“Вы знаете, мне не очень нравится Ваша позиция – про то, что все занимаются бизнесом, про то, что все кругом одни негодяи. Да, на самом деле кто-то занимается бизнесом, но не все же. Откуда мы знаем? У нас же нет рентгеновского зрения, чтобы видеть, кто занимается бизнесом” (ДФГ, Самара).

Но и те, кто не склонен считать всех нищенствующих аферистами, не могут абстрагироваться от информации о наличии таковых и стараются заметить хоть какие-то симптомы, свидетельствующие о том, что данный конкретный нищий действительно находится в критической ситуации. Соответственно, даже сочув-

ственный взгляд становится до известной степени испытующим, подозрительным. Однако тут неизбежно возникают противоречия, нестыковки. Одни, например, считают, что истинно нуждающийся не будет “давить на жалость”, другие – что если нищенствующий всем своим видом не просит о помощи, то это значит, что он в ней в действительности не нуждается.

“Тот, кто работает, – их сразу видно, что это рвачи. Они заглядывают, как бы глазами, вот своим видом вызывают жалость такую, чтобы ему дали. А искренние которые – они стесняются, что они вот тут стоят, с рукой. Вот видно, что она стесняется” (ДФГ, Москва).

“Она не похожа на сильно нуждающегося человека... Такое выражение лица у нее... Если у нее проблемы со здоровьем, должно же это на лице отражаться. Хотя бы вид делала. А она сидит – как будто ей все равно” (ДФГ, Самара).

Некоторые с особым пристрастием обращают внимание на то, как просящий милостыню реагирует на полученное подавание.

“Вы знаете – как возьмут. Бывает, бабушка возьмет деньги и благодарит от души. Обещает помолиться и так далее. Некоторые возьмут – и все. Так неприятно!” (ДФГ, Самара).

“Если мне вслед скажут: «Храни тебя Господь», это, вы знаете – не напрасно дала эту милостыню. А если просто скажут «спасибо»... «Спасибо» мне не нужно” (ДФГ, Москва).

Судя по общему контексту обсуждения темы, такая потребность в акцентированной благодарности во многом связана именно с желанием получить хотя бы косвенное “подтверждение” правильности своего поступка – того, что деньги отданы тому, кому их действительно следовало отдать.

Так что массовое распространение мнимого нищества естественным образом влечет за собой рост подозрительности, недоверчивости, можно даже сказать, снижает и без того не слишком высокий потенциал солидарности в российском обществе.

“1-я участница: Раньше чаще было, а потом посмотрела – как-то рука не поднимается подать уже. Вот это все мошенничество страшное у нас.”

Модератор: *Из-за этого?*

1-я участница: *Да.*

2-й участник: *Просвещение работает.*

1-я участница: *В каждом видим мошенника, конечно”* (ДФГ, Москва).

Процитированная участница фокус-группы, кстати, специалист по социальной работе, профессионально занимающаяся именно организацией помощи обездоленным. А следующая реплика принадлежит музейному работнику из Самары.

“У нас сдвиг в сознании происходит, потому что этим занимаются как бизнесом, наживаются на нашей жалости, добросердечности. Эту проблему надо решать” (ДФГ, Самара).

Действительно, надо. Только как? ■

